

въ штатскомъ и безъ оружія“. Вернулись посетители оружія, всѣ эти знакомые намъ типы офицеровъ, и даже сопутствующая имъ трагедія карточного проигрыша, столь памятная по примѣрамъ Николая Ростова или Ильина изъ „Двухъ гусаръ“. Какъ будто пришла опять и лиловая собачка Платона Каратаева, завывшая, когда ея хозяина пристрѣлили французы: „ротный мохнатый, сѣрый Трезорка, точно начальникъ, закрутивъ хвостъ, съ озабоченнымъ видомъ бѣжалъ передъ ротой Бутлера“. Но, разумѣется, въ особенности отрадно то, что вернулись братья Платона Каратаева, русскіе солдаты, и между ними тотъ, душевной красотой осѣненный, Авдеевъ, чья жизнь и смерть описана съ такою глубокой силой и претворена въ человѣческую мистерию. Когда его ранили и онъ „держалъ обѣими руками рану въ животѣ“, онъ попросилъ „винца“, но уже не могъ его пить: „не принимаетъ душа“ сказалъ онъ. А въ госпиталѣ, умирая, просить онъ написать родителямъ: „Сынъ, моль, вапъ Петруха долго жить приказалъ. Завиствовалъ брату. Я тебѣ нонче сказывалъ. А теперь, значить, самъ радъ. Не замай живетъ. Дай Богъ ему, я радъ. Такъ и пропиши“. Потомъ онъ спрашиваетъ товарища, нашелъ ли онъ затерявшуюся трубку, и сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ говоритъ: „ну, а теперь свѣчку мнѣ дайте, я сейчасъ помирать буду“. Ему дали свѣчу въ костенѣющую руку и, съ блѣднымъ и строгимъ лицомъ, какъ бы хороня самого себя, умеръ Авдеевъ.